

НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

ВЫПУСК XVIII

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Составление, общая редакция
и вступительная статья
доктора философских наук
В. В. ПЕТРОВА

МОСКВА
«ПРОГРЕСС»
1986

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Петров. Язык и логическая теория	5
У. В. О. Куйин. Слово и объект (гл. I и V). Перевод с английского	
М. А. Кронгауз	24
Д. Дэвидсон. Истина и значение. Перевод с английского Н. Н. Пер-	
чевой	99
Э. Сааринен. О метатеории и методологии семантики. Перевод с анг-	
лийского А. Л. Блинова	121
Д. Фоллесдаль. Понимание и рациональность. Перевод с английско-	
го М. А. Дмитриевской	139
П. Стросон. Грамматика и философия. Перевод с английского	
Н. Н. Перчевой	160
Э. Лепор. В каких отношениях неудовлетворительна теоретико-модель-	
ная семантика. Перевод с английского Н. Н. Перчевой	173
С. Крипке. Загадка контекстов мнения. Перевод с английского	
Г. Е. Крейдлина	194
Дж. Сёрль и Д. Вандерсекел. Основные понятия исчисления рече-	
вых актов. Перевод с английского А. Л. Блиннова	242
З. Вендер. Причинные отношения. Перевод с английского Н. Н. Пер-	
чевой	264
Л. Карлсон. Соединительный союз ВУТ. Перевод с английского	
М. А. Дмитриевской	277
Р. Хилинен. Семантика императивов и деонтическая логика. Перевод	
с английского А. Л. Блиннова	300
Ф. Дж. Пеллегтье. Или. Перевод с английского Г. Е. Крейдлина	
А. Вежбицка. Восприятие; семантика абстрактного слова. Перевод	318
с английского А. Н. Шмелева	336
Именной указатель. Составитель Анна А. Зализняк	371
Предметный указатель. Составитель Анна А. Зализняк	376

высказывание неправильно потому, что оно ложно, или не может быть истинным, или вообще неадекватно отражает мир, от случая, когда высказывание неадекватно по каким-то другим причинам».

Лично мне симпатичен такой общий подход, но здесь хочется указать на одну его особенность — на его чрезвычайно радикальный, даже разрушительный, характер в том смысле, что несостоятельность „популярной точки зрения“ можно было бы установить более традиционным способом, не прибегая к построению совершенно новой теории разговора. Все, что нам нужно сделать, — это пройти часть пути по этой дороге и привести различие (как это делают все противоборствующие стороны) между ожиданиями, мнениями и т. д., которые может иметь говорящий в момент произнесения высказывания, и значением, которым обладает данное высказывание (в этом случае). Не все эти мнения, ожидания и т. д. имеют отношение к значению. Так, интересный социологический факт представляет то, что очень часто, когда человек присоединяется к различиям, которые есть между ожиданиями и значением высказывания.

(1) I had a book stolen. У меня украли книгу, он хочет сообщить, что кто-то украл его книгу, но отсюда вовсе не вытекает, что поверхностная форма (1) не может также значить, что кому-то заплатили, чтобы тот украл книгу. И то, что люди зачастую успешно общаются между собой, пользуясь «полупредложениями», также не означает, что в формальной грамматической теории эти «полупредложения» следует учитывать наравне с предложениями грамматически абсолютно правильными. Не надо впадать в крайность, утверждая, что никакие из намерений, предположений, мнений и т. п. говорящего не имеют отношения к значению высказывания (в каком-то частном случае), для того чтобы показать, что не имеют отношения лишь некоторые (в действительности — многие).

Давайте в течение короткого промежутка времени рассмотрим, что является релевантным для теории, призванной дать адекватное семантическое описание некоторого фрагмента естественного языка. При построении такой теории нам прежде всего следует освободиться от представлений, навязанных нам конкурирующими теориями, и вернуться к интуиции, которой мы обладали до тех пор, пока не было концепций. И та теория, которая полностью согласуется с нашими интуитивными представлениями и которая не должна «объясняться», почему на самом деле некоторые из представлений ложны», безусловно, предпочтительнее той, которая постоянно должна давать такое объяснение. По той же причине теория, содержащая лишь несколько таких «объяснений», лучше той, которая содержит их в большом количестве. Например, семантическая теория, в соответствии с которой отдельные, ощущаемые нами как истинные, выводы трактуются как семантически обще-

Ф. Дж. Пеллецье

ИЛИ*

Грайс (1968) подверг критике популярную точку зрения на взаимоотношение обычных слов — союзов естественного** языка если, и или, с одной стороны, и логических связок „ \supset “, „ \rightarrow “, „ \neg “, „ \vee “ — с другой. Эта общепринятая точка зрения состояла в том, что между союзами и логическими связками — в том случае, когда последним дается стандартная двузначная интерпретация, — имеется существенные различия по значению. Стратегия Грайса заключается в том, чтобы разработать теорию очень общих указаний, или правил ведения разговора, с помощью которых можно было бы понять „импликатуры разговора“. Далее утверждается, что в силу ряда причин такие импликатуры не являются частью смысла предложения (в частности, из-за того, что их всегда можно „отменить“, тогда как прямой смысл предложения остается неизменным). Сейчас обычно приводят следующие аргументы против общепринятой точки зрения: а) очевидные расхождения в значении между словами естественного языка и символическими связками объясняются тем, что слова употребляются в разговоре, в рамках которого действуют определенные импликатуры, тогда как связки передают только часть смыслового содержания (то есть „значения“) тех слов, которые являются „связующим звеном“ между словами и миром; б) различия в условиях правильного употребления союзов и связок (например, $p \supset q$ — правильно построенная формула для любых p и q , тогда как предложение „Если p , то q “ обычно употребляется в случае, когда, по мнению говорящего, наблюдается нефункционально-истинностная „связь“ между p и q) должны объясняться общей теорией импликатур дискурса и потому не могут рассматриваться в качестве компонента значения слов. Грайс видит свою цель в «создании теории, которая дала бы нам возможность отличить тот случай, когда

* Francis Jeffry Pelletier. Or. Статья напечатана в журнале „Theoretical Linguistics“ (vol. 4, N 1/2, 1977, p. 61—74), выпускаемом издательством „Walter de Gruyter“ (Berlin).
** Francis Jeffry Pelletier.

В оригинале здесь и далее — „английского языка“.—*Прим. перев.*

значимые, предпочтительнее той, которая отрицает их общезначимость, в каждой ситуации сводя «объяснение» очевидной обще-значимости выводов к «простой pragmatique» (при прочих равных условиях). Аналогично, концепция, которая, согласно с нашими примерами, статус „не“ глагольной группы, стоящей под отрицанием, предпочтительнее той концепции, которая трактует каждое отрицание как сентенциальное. Конечно, некоторые теоретические соображения могут заставить нас принять решение, что наши интуитивные представления были ложными, безнадежно запутанными и даже противоречивыми. Но начать мы должны именно с них — больше неоткуда. Далее я снова и снова буду возвращаться к этому тезису.

Я утверждаю, что значение английского союза ог ‘или’ инклюзивное. В действительности, Грайс не отпирает этого утверждения, хотя косвенно, быть может, с ним не согласен (когда говорит, что связка дается им стандартная двузначная интерпретация). Против чего он непосредственно возражает — так это против суждения, что всегда есть какая-то нефункционально-истинностная причина или основание для произнесения дизьюнкции, которая и должна быть признана компонентом значения союза. (Например, «популярная точка зрения», помимо прочего, гласит, что при произнесении дизьюнкции говорящий не знает истинностного значения ни одного из ее членов.) Представления Грайса вполне соглашаются со взглядом на союз *или* либо как на „инклюзивный“ (включительный), либо как на „инклюзивный“ (исключительный), или, в конечном счете, с любой функционально-истинностной интерпретацией этого союза.

Авторы учебников по элементарной логике¹ (см. работы [1] — [21]), некоторые авторы руководств по нормативному употреблению языка (Follett, 1966) и отдельные лингвисты (МакКоли, 1968, Харфорд, 1974) полагают, что в языке есть два *или* — инклюзивное и эксклюзивное. Большинство лексикографов (см. OED, UED, WN12, WN13), по крайней мере один логик (Fowle, 1971, Nicholson, 1957) и лингвист (Lakoff, 1971) придерживаются крайнего взгляда: «*Allternative*, *или*, *иначе*, *Или*-суждение, содержит два утверждения; принятие одного из них ведет к отрицанию другого...; с каждым из них можно согласиться...», но не с обоями (OED); «за очень редким исключением,

или должно быть исключительным» (Lakoff, 1971, p. 142).

Сказанное, конечно, не означает, что, когда люди призывают такое предложение, как:

(2) *I'll either be with Arlene or with Suzi tonight.*

‘Сегодня вечером я буду либо с Арлен, либо с Сьюзи’², они не предполагают, что только один из дизьюнктивных членов будет истинным. Однако, как мы уже видели выше, такие ожидания не имеют отношения к значению высказывания даже в частном случае его произнесения. Единственный способ продемонстрировать то, что в данном предложение входит эксклюзивное *или*, — это предположить, что оба дизьюнктивных члена истинны, и посмотреть, сможет ли такое положение дел логически *повлечь за собой* ложность всего дизьюнктивного предложения. Тут важно

подчеркнуть слова „логически влечет”: а) если предложение действительно содержит эксклюзивное *или*, то описание предполагаемого положения дел должно логически повлечь за собой ложность дизьюнкции; б) если можно найти хоть какую-нибудь ситуацию (не имеет значения, насколько неестественной она будет — ведь у нас достаточно сильная интуиция, чтобы высказывать „истинные и ложные“ суждения и делать из посылок логические выводы), при которой оба дизьюнктивных члена будут истинны, а дизьюнкция все же не является ложной, то *или* не может быть эксклюзивным. Обратимся к предложению (2). Если я провожу вечер с Арлен и с Сьюзи, влечет ли это логически за собой ложность

² Я рассматриваю здесь предложение типа (2) как результат „сокращений“ языковых цепочек типа (1)*Либо я сегодня вечером буду с Арлен, либо я сегодня вечером буду с Сьюзи.* Такая трактовка принята во всех птируемых нами работах. Вообще, здесь предполагается, что ог ‘или’ является „сентенциальной связкой“, которая на поверхности может быть представлена многими разными вариантами, например: именной связкой, глагольной связкой, алгебраической связкой и т. д. Очевидно, столь более утверждение не переносится на союз *and* и *but* (Лакоф и Петерс, 1969). Больше того, оно непосредственно не применимо к таким употреблениям союза *или*, как в (ii) *Кати вест меньше, чем Арен* или *Сьюзи*, где устояния истинности для или более похожи на условия истинности для союза *и*. Заметим, что предложение (ii) перфразируется как (iii) *Кати вест меньше, чем Арлен, и Кати вест меньше, чем Сьюзи*, однако если в (iii) *и* заменить на *или*, то получится некорректная перфраза предложения (ii). Тем не менее такое сокращение применимо к таким именным группам, как субъект предложений:

(iv) *Служащим мужчинам и женщинам должны платить поровну.*

Субъект этого предложения восходит к (v):

(v) *[служащие] служащие являются женщинами | или*

Попытки истолковать поверхность и в предложении (iv) как получченное из глубинного *и*, а не из глубинного *или* в (v), делают даже невозможной систематическое описание условий, при которых предложение с такого рода именными группами могли бы быть истинными. Ср. МакКоли, 1968, где предпринята такая некорректная попытка.

предложения (2)? Бессспорно, если бы я рассчитывал привести вспомогательно только одного из членов дизъюнкции. Если перевод "я" с той, так и с другой девушки, я, очевидно, не произнес бы (2), поскольку говорящий, как правило, всегда делает как можно более "сильное" утверждение, совместимое с его представлениями (*beliefs*). (Здесь я следую постулату, сходному с макси-мой количества Грайса: делай свой вклад в разговор как можно больше информативным.) Но фактически дело было так, что я оправился в бар с Арлен, мы встретили Сьюзи, а затем все трое провели оставшуюся часть вечера вместе. Очевидно, что в этой ситуации мы не скажем, что предложение (2) ложно, что я говоря (2), лгал или что я в каком-то смысле был безответственен, утверждая (2), даже при том, что обе альтернативы истинны. Следовательно, предложение (2) не содержит эксклюзивного *или*.

Важно различать отдельные виды „инклузивности“ *vs.* эксклю-зивности.“ В предыдущем абзаце я определил один интересующий меня вид „эксклюзивности“, когда из истинности обоих дизъюнктивных членов следует ложность дизъюнкции. Именно об этой разновидности „эксклюзивности“ идет речь, как кографов и специалистов по нормативному языковому употребле-нию. Между тем, видимо, можно указать на еще по меньшей мере два других смысла дизъюнкции: (а) когда оба *vs.* не оба члена говорящим истинны (или могут быть истинными); (б) когда говорящим предполагается *vs.* не предполагается реализация обоих членов дизъюнкции. Очевидно, что одно и то же вхождение *или* в предложении будет „инклузивным“ или „эксклюзивным“ в за-висимости от того, какое принимается определение дизъюнкции.

Определение (а), хотя на него иногда и ссылаются (как, напри-мер, при обсуждении закона исключенного третьего; см. ниже раз-бор примеров (4) и (5)), не имеет достаточно широкой сферы применения и не охватывает большого числа случаев употребле-ния *или*; таковы, например, эмпирические утверждения типа (2), относящиеся к будущему времени. Определение (б) по своему ха-рактеру не является семантическим: обращение к предложениюм или ожиданиям говорящего выводит это определение за пределы семантики в другую область (прагматику?).

В качестве примера языка, где „инклузивное“ и „эксклюзив-ное“ *или* различаются лексически, часто называют латынь. Утвер-ждая, что в латинском языке есть две разные лексемы *vel* и *aut* для „инклузивного“ и „эксклюзивного“ *или*. Хотя из-за недо-статка носителей латинского языка трудно говорить об этом со-всей определенностью, но все же, судя по дошедшему до нас ли-тературе на латыни, создается впечатление, что союзы *vel* и *aut* маркируют различные (б). А именно, они употребляются в соответ-ствии с тем, предполагает ли говорящий истинность одного или не-

предложения (2) на латинский содержит союз *aut*, то это означа-ет, что я не предполагаю, что приведу вечер и с Сьюзи. Даже если бы события развились так, как в той рассказанный мной короткой истории, латинское предложение по-прежнему было бы истинно, несмотря на присутствие в нем союза *aut*, поскольку во время произнесения (2) я не думал, что буду вечером с двумя девушками. Напротив, если бы предложение (2) было переведено на латинский язык с помощью союза *vel*, оно было бы ложным (даже если бы я проводил вечер с обеими девушками), так как во время высказывания я не предполагал быть с ними обеими. Таким образом, латинские союзы *vel* и *aut* не передают различия по „инклузивности *vs.* эксклюзивности“, служащие предметом дискуссии у наших современных авторов. По всей видимости, дать семантическое объяснение поведению этих слов очень трудно, по-скольку, как нам представляется, условия истинности предложе-ний с этими словами опираются на предположения (*beliefs*) гово-рящего. (Альтернативный решением было бы признать, что у *vel* и *aut* одни и те же семантические условия истинности, а выбор между ними регулируется „прагматическими факторами“, как это предлагалось для положительных *vs.* отрицательных — вопросительных предложений в английском.) В настоящей статье речь идет о семантике союза *или*; есть ли в английском языке такое *или*, ко-торое можно было бы считать „эксклюзивным“ в смысле, опреде-ленном двумя абзацами выше. Другие смыслы „эксклюзивности“ остаются за пределами данной работы.

Рассмотрим следующий пример (из [18]):

(3) Taxpayers must file exactly one return, but it may be a single or a joint return.

‘Налогоплательщики должны подать ровно одну деклара-цию, но она может быть либо на одного человека, либо на нескольких’.

Признаю, что это предложение было бы ложным, если бы на-логоплательщики могли заполнить и подать одновременно как дек-ларацию на одного человека, так и совместную, но это, конечно, вовсе не потому, что *или* в нем эксклюзивное. Скорее, причина ложности (3) — в его первой части, где говорится, что налогопла-тельщиками должна подаваться только одна декларация. Вто-рой конъюнктивный член сам по себе ничего не говорит о количе-стве деклараций, которые нужно подать (за исключением разве того, что по крайней мере одна декларация должна быть подана).

Аналогично ошибку совершают те авторы, которые приводят примеры, в которых истинность обоих членов дизъюнкции *невоз-можна*. В работах [19] и [20] к случаям „ексклюзивного“ или от-

несены следующие предложения:

- (4) Today is either Monday or Tuesday.
'Сегодня понедельник или вторник'.
(5) I was born in either Nebraska or New Mexico.
'Я родился в штате Небраска или в Нью-Мехико'.

Эти же примеры в работах [19] и [20] квалифицируются как частные проявления „закона исключенного третьего“. Могут ли они считаться контрпримерами, опровергающими, что в английском языке нет эсказиозивного союза *или*? Ясно, что нет. Ведь тут невозможно, чтобы оба члена дизъюнкции были одновременно истинны, а потому из них нельзя составить контрпример. Чапомнио: чтобы построить контрпример, следует допустить, что оба члена дизъюнкции истинны и при этом вся дизъюнция была бы ложной. Что касается других примеров, приводимых в цитированных работах как случаев употребления эсказиозивного *или*, то можно показать, что в них союз *или* также эсказиозивный, если рассматривать какую-нибудь необычную ситуацию. См. пример из [17]:

- (6) Either you eat your dinner or I'll spank you!

'Или ты съешь свой обед, или я тебя отшлепаю!'

«Очевидно, — говорится в [17], — что это *или* должно быть эсказиозивным. Только вообразите себе последствия того, что ребенок съел свой обед и был вместе с тем наказан!» Какова бы ни была риторическая сила такого заявления, оно явно несостоятельно. Во-первых, точно так же, как тогда, когда вам предлагаются чай или кофе, не требуется, чтобы подали и то и другое: предлагающему (или угрожающему) достаточно выполнить лишь одно из обязательств — это и есть его совокупное обязательство (или угроза). Люди, будучи, по сути дела, довольно жадными (ленивыми и вообще какими угодно в конкретном предложении), выполняют, как правило, только то, что обещано одним из членов дизъюнкции. Именно по этой причине ребенок полагает, что коль скоро ему говорят что-то вроде (6), то его не отшлепают, если он съест обед. Но само предложение не служит ему гарантой от наказания — просто таков его прошлый опыт. Во-вторых, для того чтобы союз *или* в предложении (6) был эсказиозивным, необходимо, чтобы невозможно было создать такую ситуацию, при которой оба дизъюнктивных члена были бы истинными, но мы бы, тем не менее, склонны были считать и все дизъюнктивное предложение истинным. Если после того, как я говорю (6) своему сыну, он съедает свой обед, а затем бросает тарелки на пол, то я смело могу отшлепать его и при этом не бояться вступить в противоречие со своим прежним предупреждением (6). Можно предпринять соблазнительную попытку установить некоторую „связь“ между

членами дизъюнкции в (6), чтобы исключить ситуацию типа той, которую я только что привел, демонстрируя, что в (6) *или* инклозивное. Если вы попытаетесь это сделать, то полезно вспомнить, что предложение, иллюстрирующее действие „закона исключенного третьего“, здесь не помогут. Вот, например, два способа прочтения предложения (6):

- (7a) Either you eat your dinner or I'll spank you if you don't!
'Или ты съешь свой обед, или я отшлепаю тебя, если ты не съешь!'
(7b) Either you eat your dinner or I'll spank you for not eating it!
'Или ты съешь свой обед, или я отшлепаю тебя за то, что ты его не съел!'

Однако предложение (7a) и (7b) тоже не является примерами употребления эсказиозивного *или*. Если союз *если* в предложении (7a) — это логическая материальная импликация, то, коль скоро здесь выполнен первый член дизъюнкции, второй член тоже будет истинен. Если же *если* здесь понимается как-то по-другому (например, как контрафактическое *если*, проанализированное в работе Lewis, 1974), то оно тем более будет инклозивным, поскольку верно, что когда мой сын есть свой обед в тех возможных мирах, которые принадлежат классу ближайших возможных миров, в которых он не есть свой обед, я шлепаю его. И предложение (7b), как ни огорчительно это для нашего гипотетического оппонента, также не может иметь оба дизъюнктивных члена истинными. Действительно, если мой сын съедает свой обед (и тем самым первый член дизъюнкции становится истинным), то второй член истинным быть не может, и наоборот. Поэтому нельзя уручаться, что в этом предложении употреблено эсказиозивное *или*, равно как нет эсказиозивного *или* в примерах на „закон исключенного третьего“.

Вот еще несколько предложений на „закон исключенного третьего“, содержащих, как утверждается, ошибки в понимании эсказиозивного *или*:

- (8) Give me liberty or give me death!
'Дайте мне свободу или дайте мне умереть!'
(9) Arlene wants a margarita or a grasshopper.
'Арлен хочет маргаритку или кузнецика'.
(10) Coffee or tea comes with the meal.
'Кофе или чай подадут вместе с едой'.
(11) Either John eats meat or Harry eats fish.
'Или Джон ест мясо, или Гарри ест рыбу'.

В качестве доказательства того, что в примерах (8) — (11) нет эсказиозивного *или*, можно привести те же аргументы и при-

меры, которые приводились нами ранее (см. (2) — (7)). Но вместо этого я выскажу более общие соображения. Во-первых, я буду считать, что предложение «истинно, если и только если его отрицание ложно». Это допущение, как я полагаю, составляет неотъемлемую часть нашего дотеоретического интуитивного представления об отрицании и ложности. (Если, однако, среди логиков найдутся представители, относящие себя к интуиционистам, то мы можем ограничиться рассмотрением только „конечных“, случаев, когда даже интуиционисты признают наши доводы; см. Нейтинг, 1966.) Мы снова обращаемся к интуиции и обнаруживаем, что отрицанием либо... либо является *ни... ни*, в связи с чем следующие предложения соответственно будут отрицаниями предложений (8) — (10) (оставим в стороне (11)):

- (12) I demand neither liberty nor death.
 ‘Я не требую ни свободы, ни смерти’.
 (13) Arlene wants neither a margarita nor a grasshopper.
 ‘Арлен не хочет ни маргаритки, ни кузнеца’.

- (14) Neither coffee nor tea comes with the meal.
 ‘Вместе с едой не подадут ни чая, ни кофе’.

Очевидно, что предложение (12) — (14) истинны при тех же условиях, при которых истинны предложения (12a) — (14a)³:

- (12a) I do not demand liberty and I do not demand death.
 ‘Я не требую свободы, и я не требую смерти’.

- (13a) Arlene does not want margarita and Arlene does not want a grasshopper.
 ‘Арлен не хочет маргаритки, и Арлен не хочет кузнеца’.
- (14a) Coffee does not come with the meal and tea does not come with the meal.
 ‘Кофе не подадут вместе с едой, и чай не подадут вместе с едой’.

Теперь, когда отрицание ложно именно в тех случаях, когда истинно утверждение, а предложение (12) — (14) являются отрицаниями предложений (8) — (10) и ложны в точности тогда, когда ложны предложения (12a) — (14a), можно заключить, что исходное предложение (8) — (10) ложны, только когда (12a) — (14a) ис-

³ Интерпретация примеров зависит от того, как отрицание распределяется по конъюнкциям, и, в частности, от того, действуют ли законы де Моргана. Если мы ограничимся рассмотрением одного только союза *и*, оставив в стороне конъюнкции типа *но, если не, и*, будем интересоваться лишь условиями, при которых сложное предложение такой структуры будет истинным или ложным, то предполагаемое распределение отрицания, по всей видимости, всегда будет иметь место.

тинны. Иными словами, предложение (8) — (10) должны тогда и только тогда, когда оба члена дизъюнкции ложны, то есть или в этих предложениях исклюзивное. Если бы *или* в них было исклюзивным, то они также были бы ложны и тогда, когда оба члена дизъюнкции истинны. Отсюда вытекало бы, что предложение (12) — (14) истинны в следующих случаях (ведь должны же мы каким-то образом объяснить, почему предложение (12) — (14) интуитивно ощущаются как отрицания предложений (8) — (10), каково бы ни было наше решение по поводу союза *или*:

- (12b) I demand liberty and I demand death.
 ‘Я требую свободы, и я требую смерти’.
 (13b) Arlene wants a margarita and Arlene wants a grasshopper.

- ‘Арлен хочет маргаритку, и Арлен хочет кузнеца’.
 (14b) Coffee comes with the meal exactly when tea does.
 ‘Кофе появится вместе с едой в точности тогда, когда появится чай’.

Между тем абсолютно ясно, что предложение (12b) — (14b) не являются отрицаниями (8) — (10). Сколько же разных *или* в английском языке? Ровным счетом ничего из того, что я говорил до сих пор, не доказывает, что *или* только одно, исклюзивное. Все, что до сих пор утверждалось, — это что обычно приводимые в литературе примеры так называемого „исклюзивного“ *или* явным образом неубедительны. Если логики правы и на самом деле есть два союза *или*, то либо этот факт должен быть отражен в соответствующем словаре при лингвистическом описании языка, либо (если *или* вводится с помощью трансформаций) в трансформационном описании следует преду-

могреть разные трансформации, вводящие эти разные *или*. По крайней мере, очевидно, что адекватный семантический анализ должен как-то различать эти лексемы. С другой стороны, не исключена возможность, что в действительности в языке имеется только одно *или*, а другое „употребление“ *или* является производным от основного и, скажем, появилось в результате синтаксической омонимии, порожденной трансформацией опущения узла в структуре исходного предложения. Можно было бы, например, считать, что есть, в сущности, лишь одно эксклюзивное *или*, вводимое лексически или трансформационно), а предложение, которые нам кажутся содержащими другое, инклозивное, *или*, являются эллиптическими.

Глубинное НС-дерево для

(15) I'll be with Arlene tonight or I'll be with Suzi tonight, глубинным для (16):
 I'll be with Arlene or Suzi tonight.
 'Сегодня вечером я буду с Арлен, или сегодня вечером я буду с Сьюзи, или сегодня вечером я буду и с Арлен и с Сьюзи'.

под действием трансформации эллиптического сокращения или опущения узла становится НС-деревом, глубинным для (16):

(16) 'Сегодня вечером я буду с Арлен или с Сьюзи',

но само предложение в целом при этом воспринимается как „инклозивное“. Следует, однако, осознать, что «в действительности» нет двух *или*; напротив, мы сначала порождаем (15), а из него путем эллипсиса или опущения узла получаем (16). Результатирующие предложения заставляют нас думать, будто существуют два *или*, но это иллюзорное впечатление создается благодаря эллипсису⁴.

Альтернативным было бы считать, что основное *или* — инклозивное, а эксклюзивные „употребления“ *или* возникают благодаря эллипсису или опущению. Тогда НС-дерево, глубинное для

(17) Arlene wants a marguerita or Arlene wants a grasshopper but Arlene doesn't want both a marguerita and a grasshopper-
per.

Арлен хочет маргаритку, или Арлен хочет кузнецика, но Арлен не хочет одновременно и маргаритку и кузнецика»,

становится таковым для
 (18) Arlene wants a marguerita or Arlene wants a grasshopper.
 Арлен не хочет одновременно и маргаритку и кузнецика»,

где все предложение в целом понимается „эксклюзивно“. И вновь можно утверждать, что „в действительности“ двух *или* не существует; напротив, есть трансформация опущения, порождающая языковую цепочку, которую можно породить и другим способом и которая тем самым имеет разные значения в зависимости от своей трансформационной истории. Просто нам *кажется*, будто есть два разных *или*.

Какую же из этих трех альтернатив следует предпочтеть?

Одна из причин неприятия «двух *или*» заключается в том, что существует легко устанавливаемое соотношение между инклозивным и эксклюзивным „употреблениями“ *или*, которое наша лингвистическая теория должна непосредственно отразить. Любая из двух оставшихся альтернатив позволяет установить это соотношение непосредственно в грамматике и тем самым избежать появления омографов. Возможно, что выдвинутый довод не вполне убедителен, поскольку имеется также легко устанавливаемое соотношение между двумя бинарными функциями истинности, однако связь, существующая между двумя *или* (если их два), несомненно, очень тесная. И то, что в естественном языке эти *или* — омофонии и омографы, должно подкрепить и усилить нашу интуицию на этот счет.

Мне представляется, что нечто вроде аргумента „простоты“ МНЕ более привлекательной третьей альтернативы (инклозивное или — основное). Одна из причин, по которой мы рассматривали все взятые из литературы примеры, где, как это предполагалось их авторами, налицоует эксклюзивное *или*, состояла в том, что мы хотели показать, что в действительности таких примеров значительно меньше, чем можно предположить с первого взгляда. Если за основное мы примем эксклюзивное *или*, то тогда большинство предложений с *или* должны будут подвергнуться трансформации, преобразующей (15) в (16). Но если мы примем за основное инклозивное *или*, то тогда лишь очень немногие предло-

⁴ Приходимые здесь предложения (15) и (17) уже „редуцированы“ хотя и в результате последующей трансформации. Трансформация, о которой идет речь, действует на передуцированных (несокращенных) НС-показателях:

T (ИЛИ):	S ₁	S ₂	или	[S ₃ и S ₄]
SD	1	2	3	s
SC	1	+2	3	5

и

S ₂	2	3	4	5
				нуль

Условия на T (ИЛИ) формулировать не очень легко. Очевидно, нам нужно, чтобы S₁=S₃ и S₂=S₄, но мы, кроме того, хотим, чтобы референты всех узлов в S₁ были такими же, как и референты узлов в S₃ (аналогично для S₂ и S₄). Поэтому, помимо тождества структур предложений с *или* должны соответствовать кореферентность всех соответствующих фрагментов. Узел *n+2* в SC — это, конечно, *n+1*, которое позже станет *n*.

жения должны будут пройти через трансформацию, обращающую (17) в (18). Поэтому, если признать, что исклюзивное *или* — основное, деривация предложений с союзом *или* будет проще⁵.

Существуют, конечно, еще две альтернативы. (а) Следуя за [22], а также Fowle, 1971, Nicolson, 1957, Lakkoff, 1971, OED UED, WN12, WN13, можно было бы сказать, что вообще нет никаких „употреблений“ *или*, кроме как исклюзивных. (б) Можно было бы утверждать и обратное, что нет никаких других „употреблений“ *или*, кроме как исклюзивных. Каждая из этих возможностей устраивает необходимость введения в грамматику трансформации „опущение *или*“, либо ее выход (как при выборе альтернативы (а), так и при выборе (б)) пустой. Альтернатива (а), очевидно, некорректная, так как предложения (19) и (20) не избыточны и должны быть проанализированы как содержащие исклюзивное *или*⁶.

- (19) A citizen of the U. S. who is not a naturalized citizen is a person born in the U. S. or a person born of U. S. citizens.
‘Житель США, который не является натурализованным гражданином США, — это либо человек, родившийся в США, либо рожденный гражданами США;’
(20) You may choose either proposal (a) or proposal (b), but ‘Вы можете принять либо предложение (а), либо предложение (б), но не оба сразу.’

Теперь я хотел бы в какой-то момент обсудить и развить предложение (б), не опираясь, однако, на положение Грайса, согласно которому явную исклюзивность, свойственную отдельным предложениям с *или*, следует объяснять другими причинами (а именно — действием импликатур дискурса). Вместо этого я хочу высказать утверждение, что, за исключением тех высказываний, где

⁵ Я вполне сознаю, что довод, касающийся „простоты“ описаный, выталкивает из круга обычно приходящих аргументов такого рода, когда пытаются ухватить условных обозначений и приемов логики, позволяющих более непосредственным путем извлекать из правил содержательные утверждения. Приводимый мною аргумент „простоты“ предназначен лишь для того, чтобы исключить выбор подхода „два различных *или*“. Этую „меру простоты“, вероятно, лучше всего рассматривать как метод интерпретации поверхностных цепочек, если даны две в других отношениях сравнимые друг с другом грамматики, выберет ту из них, которая обеспечивает полождение высказывания с данной трансформационной историей из данного класса высказываний кратчайшим путем.

⁶ Джек Макинтош указывает также, что бутылочки со специями на обратной стороне имеют надпись «1 uncia, или 28,375 граммов».

речь *идет о* предполагаемых событиях, которые могут реально произойти в будущем, никто на самом деле не думает, что всякое предложение с *или* „исклюзивное“ (в том смысле, о котором говорилось выше: если бы оба члена дизъюнкции были истинными, то вся дизъюнкция в целом была бы ложной).

Соблазнительно считать, что в примере (21) Вы можете заказать салами, или бастурму, или и то и другое.

(21) You may have salami or pastrami, or both.

„Вы можете заказать салами, или бастурму, или и то и другое.“ „употребление *или* — исклюзивное“ на том основании, что добавление дизъюнктивного члена [*или* и *то и другой*] имеет смысл только, если до этого он из предложения каким-то образом исключался. Но это, конечно, не верно, ибо если выполняется последний член дизъюнкции, то выполняются и первые два, а потому первое вхождение *или* — исклюзивное. Отсюда следует единственно лишь то, что последний член избычен, о чем свидетельствует, если к ней внимательно прислушаться, интонация предложения (21). Нормальный интонационный контур этого предложения таков, что последний дизъюнктивный член эмфатически выделен как мысль, пришедшая в голову с опозданием, — тем самым привлекается внимание к готовности говорящего принести и салами и бастурму. Этим данное предложение отличается от предложения (10), в котором ресторан рассматривает свои обязанности полностью выполнеными, если клиенту подают только кофе или только чай (и обычно неохотно приносят и то и другое).

Рассматривая предложение типа (21), такие, как:

- (22) Ivan is an American or a Russian.
‘Иван американец или русский.’
(23) That painting is of a man or a woman.
‘Эта картина мужчины или женщины.’
(24) *John is an American or a Californian.
‘Джон американец или калифорниец.’
(25) *That painting is of a man or a bachelor.
‘Эта картина мужчины или холостяка’, Харфорд делает следующее «общее заключение» (см. Hargrave, 1974):

(G) Два предложения не могут быть соединены союзом *или*, если одно из них следует из другого; в противном случае союз *или* допустим.

Поскольку очевидно, что из Вы можете заказать *и то и другой* следует Вы можете заказать *салами или бастурму*, можно утверждать, что если бы это *или* было исклюзивным, то тогда бы пер-

вое вхождение *или* в примере (21) было некорректным, а само предложение (21) — грамматически неправильным. Между тем оно абсолютно правильное, а тогда *или* в нем должно быть эксплюзивным.

Правило G не выглядит безупречным. Во-первых, отметим, что, хотя предложение (24) и (25) *странные*, это еще не дает оснований относить их в разряд неграмматичных. Их „неприемлемость“ можно было бы, например, объяснить действием коммуникативного постулата Грайса: «избегай избыточных высказываний, кроме тех случаев, когда без них нельзя обойтись» — или (более традиционно) психологоческим троизмом, согласно которому люди обычно повторяются, выделяют особые случаи и т. д. только тогда, когда вынуждены это делать, либо когда не осознают, что они это делают. Если бы правило G было корректным, то студент, начинавший изучать теорию множеств, сказал бы:

(26) Either Zorn's Lemma or the Axiom of Choice will allow me to prove exercise 12.

‘Либо лемма Цорна, либо аксиома выбора дадут мне возможность доказать утверждение 12’, произнес бы грамматически неправильное предложение. И ни один человек не знал бы, является ли высказывание

(27) I believe in the Continuum Hypothesis or the Axiom of Choice.

‘Я верю в истинность гипотезы континуума или в аксиому выбора’.

грамматически правильным, если бы в 1963 г. Коэн не доказал их независимость друг от друга. Далее благодаря ассоциативности связки *или* предложение (21) можно перифразировать (хотя и с трудом; я попыталось облегчить перифразирование, добавив в предложение несколько слов, не меняющих смысла) в виде

(28) You may have salami, or else pastrami or even both.
‘Вы можете заказать салами или же бастурму или даже и то и другое’.

Замечу здесь, что по правилу G нужно было бы признать предложение (28) некорректным, так как второе *или* в нем неуместно: *Вы можете заказать и то и другое логически влечет за собой Вы можете заказать бастурму*. Отсюда следует, что предложение (28) бессмысленно, и тем не менее оно значит то же, что и (21). Более того, правило G говорит, что всякое предложение вида „*Это либо A, либо B, либо C, ...*“ либо все из ранее перечисленных“ не имеет смысла, поскольку последний дизъюнктивный член имплицирует все предшествующие. Таким образом, G как грам-

матическое правило представляется не вполне обоснованным. По всей вероятности, его надо рассматривать (наряду с вышеупомянутыми коммуникативными постулатами Грайса или психологическими обоснованиями) как утверждение о том, какие предложенные люди обычно употребляют в своей речевой практике.

Наиболее трудным для меня является, видимо, анализ предложений выбора. Эти предложения кажутся опровергаемыми мою точку зрения на союз *или* как на „всегда эксплюзивный“; сп.:

(29) Можешь, сал I have some cake and cookies?

У тебя есть кекс или печенье, пака а choice?

‘Мам, можно я возьму пирожное или печенье?’

Возьми либо пирожное либо печенье, выбери сам’.

Однако, прежде чем на основании такого рода примеров мы примем решение о том, что есть отдельные „эксплюзивные“ употребления“ союза *или*, следует обратить внимание на ряд моментов. Во-первых, даже если бы это было „инклузивное употребление“, ребенок мог бы не иметь достаточно оснований считать, что матеря легко согласится дать ему и пирожное и печенье. Как мы видели выше, такие предположения делаются исходя из прошлого опыта, а этот опыт может оказаться таковым, что у ребенка не будет уверенности, что мать даст ему и то и другое. Во-вторых, даже если бы это было „инклузивное употребление“ *или* и даже если бы ребенок имел основания считать, что он может получить от мамы пирожное вместе с печеньем, от нее вовсе не требуется, чтобы она дала и то и другое: обязательство, данное ею в (29), можно считать выполненным, если она разрешит ребенку взять что-нибудь одно. В-третьих, даже если мы признаем, что высказывания (29), произнесенные в этой ситуации вполне искренне, содержат „эксплюзивное употребление“ союза *или*, нельзя исключить, что реплика матери не что иное, как просто небрежность речи. На самом деле она хочет сказать:

(30) You may have either cake or cookies, but not both.
‘Можешь взять либо пирожное, либо печенье, но не то и другое вместе’.

Ясно, что грамматика не должна нести ответственности за коммуникативно неудачные высказывания говорящих. В-четвертых⁷, давайте рассмотрим, что произойдет, если пирожное и печенье, разумеется, без ведома матери, будут отравлены. Тогда было бы истинным предложение

(31) If you have either cake or cookies, you will get sick.

‘Если ты возьмешь пирожное или печенье, то заболеешь’.

⁷ Этот аргумент был подсказан мне Дж. Макинтошем.

А отсюда, в полном согласии с логикой, вытекает, что если ребёнок воспользуется данным ему в (29) разрешением, то он заболеет, то есть условия истинности для *или* в (29) вместе с (31) гарантируют истинность предложения *Ребенок заболеет*. Но заметим, что если ребенок взял, скажем, пирожное, то этот аргумент не является обоснованным. В качестве непосредственного шага на пути к использованию правила *modus ponens* необходимо иметь еще правило „*добавления*“ („*или* — введение“), которое гласит „*P*, следовательно *P* или *q*“). Но „*добавление*“ требует, чтобы *или* в (29) должны быть исклюзивными. Наконец, в пятых, во все не очевидно, что не существует также условий, при которых оба дизъюнктивных члена были бы истинными, и вся дизъюнкция тем не менее тоже была бы истинна. Представим себе ребенка, который, в соответствии с данным ему в (29) разрешением, выбирает пирожное, и предположим, что он за рекордно малое время выполнил домашнюю работу. Что мешает маме дать ему в награду было исклюзивным, она (из-за боязни оказаться противоречивой), конечно, удержалась бы. Но это же явная нелепость, или я абсолютно неправ.

ЛИТЕРАТУРА

- Follétt, 1966=Follétt W. Modern American Usage (словарная статья „Или“), New York, 1966.
 „Fowler's Modern English Usage“ (словарная статья „Или“). London, 1971.
 Grice, 1968=Grice H. P. Logic and conversation. Dito copy of 1967 William James lectures, Harvard University, 1968.
 Heyting, 1966=Heyting A. Intuitionism (2nd. ed.). Amsterdam: North Holland Pub. Co., 1966.
 Hurford, 1974=Hurford J. R. Exclusive or inclusive disjunction. — In: „Foundations of Language“, 11, 1974, p. 409—411.
 Lakoff-Peters, 1969=Lakoff G., Peters S. Phrasal conjunction and symmetric predicates. — In: „Modern Studies in English“ (Reid & Shane (eds.)). N. J.: Prentice-Hall Inc., 1966, p. 113—142.
 Lakoff, 1971=Lakoff R. It's, and's, and but's about conjunction. — In: „Studies in Linguistic Semantics“ (Fillmore & Langendoen (eds.)). New York: Holt, Reinhart & Winston, 1971.
 Lewis, 1974=Lewis D. K. Counterfactuals. Oxford: Blackwell, 1974.
 McCawley, 1968=McCawley J. D. The role of semantics in grammar. — In: „Universals in Linguistic Theory“ (Bach & Harms (eds.)). New York: Holt, Reinhart & Winston, 1968.
 McCawley, 1971=McCawley J. D. Meaning and the description of languages. — In: „Readings in the Philosophy of Language“ (Rosenberg & Travis (eds.)). New York: Prentice-Hall Inc., 1971, p. 514—553.
 Nichols, 1957=Nicholson M. A Dictionary of American English Usage (словарная статья „Или“). Oxford: Oxford University Press, 1957.
 „The Oxford English Dictionary“ (OED) (словарные статьи „Или“, „Альтернатива“). Oxford: Oxford University Press.

Учебники по логике

- [1] Quine W. V. Methods of Logic, 3d ed. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972.
 [2] Jeffrey R. C. Formal Logic. New York: McGraw-Hill, 1967.
 [3] Copi I. M. Introduction to Logic, 4th ed. New York: Macmillan, 1972.
 [4] Tarski A. Introduction to Logic, 3d ed. New York: Galaxy, 1965.
 [5] Ackermann R. J. Modern Deductive Logic. London: Macmillan, 1970.
 [6] Carnap R. Introduction to Symbolic Logic and its Applications. New York: Dover, 1958.
 [7] Leminger G. An Introduction to Deductive Logic. New York: Appleton Century-Crofts, 1968.
 [8] Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. New York: Free Press, 1947.
 [9] Mates B. Elementary Logic. Oxford: University Press, 1965.
 [10] Mendelson E. Introduction to Mathematical Logic. Princeton, New Jersey: Van Nostrand, 1964.
 [11] Kleene S. C. Introduction to Metamathematics. New York: Van Nostrand, 1952.
 [12] Hilbert D. and W. Ackermann. Principles of Mathematical Logic. New York: Chelsea, 1950.
 [13] Copi I. M. Symbolic Logic, 3d ed. New York: Macmillan, 1967.
 [14] Hackling I. A. Concise Introduction to Logic. New York: Random House, 1972.
 [15] Lambert K. and B. C. van Fraassen. Derivation and Counterexample. Encino, California: Dickenson, 1972.
 [16] Puttill R. I. Logic for Philosophers. New York: Harper & Row, 1971.
 [17] Thomason R. H. Symbolic Logic. London: Macmillan, 1970.
 [18] Resnik M. Elementary Logic. New York: McGraw-Hill, 1970.
 [19] Kupperman J. and A. S. McGrade. Fundamentals of Logic. Garden City, New York: Doubleday, 1966.
 [20] Sealies H. L. Logic and Scientific Methods, 3d ed. New York: Ronald Press, 1968.
 [21] Strawson P. F. Introduction to Logical Theory. London: Methuen, 1952.
 [22] Rosser J. B. Logic for Mathematicians. New York: McGraw-Hill, 1953.